

Мунира Вагина

ОНИ
ГОТОВЫ
НА ВСЁ,
ЧТОБЫ ОН
БЫЛ РЯДОМ...

МОЛОДОСТЬ.
ОБАЯНИЕ.
БОЛЬШИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ.

Гарем
альфонса

18+

Мунира Вагина
Гарем альфонса

«Автор»

2026

Вагина М.

Гарем альфонса / М. Вагина — «Автор», 2026

Альфонсо Наварро приезжает из Испании в Москву учиться на врача. Но столица слишком дорога для студенческой стипендии, а жить скромно красавец-испанец не собирается. Вместо ровесниц он выбирает их матерей — состоятельных женщин, которым не хватает страсти, риска и ощущения собственной желанности. Вскоре у Альфонсо появляются дорогая машина, костюмы, люксовые отели и целый «гарем» поклонниц, каждая уверена: именно с ней у него особая история. Только одна женщина знает правду. Ева Руднева, молодая преподавательница биохимии, — единственная, кого Альфонсо действительно любит. Более того, именно она становится режиссёром его опасной игры, устанавливая правила, которые должны защитить их любовь от ревности и лжи. Но можно ли управлять чувствами, когда в игру входят деньги, страсть, власть и самолюбие? Одна ошибка превращает красивую авантюру в ловушку. Теперь Альфонсо придётся выбрать: жизнь, за которую платят женщины, или любовь, ради которой он впервые готов отказаться от прежнего себя.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Москва слишком дорогая	5
Глава 2. Не студентка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Гарем альфонса

Глава 1. Москва слишком дорогая

Самолёт коснулся полосы мягче, чем Альфонсо ожидал. За овальным стеклом поплыли огни, мокрый асфальт, белые полосы разметки и тяжёлое московское небо, которое даже в начале сентября выглядело так, будто уже знало всё о зиме. Альфонсо Наварро смотрел в окно и улыбался. Москва начиналась не с Красной площади, не с куполов и не с фотографий, которыми его снабжали друзья перед отъездом. Она начиналась с длинной полосы аэропорта, чужого языка вокруг и ощущения, что теперь никто не обязан облегчать ему жизнь.

Это последнее ощущение нравилось ему меньше всего. В Валенсии отец сказал спокойно, почти буднично:

— Учёбу я оплачу. Всё остальное — сам.

Альфонсо тогда рассмеялся, решив, что это очередная воспитательная угроза. Его отец любил подобные фразы. Они появлялись после слишком дорогих вечеринок, после разбитого мотоцикла, после счетов из ресторанов, которые Альфонсо считал вполне обычными, а отец — доказательством того, что сын до сих пор не понимает цену деньгам. Но на этот раз отец не отступил.

На банковской карте лежала сумма, которой должно было хватить на первые недели. Оплата университета была закрыта заранее. Общежитие — тоже. Всё остальное предполагалось добывать собственными руками, головой или хотя бы благоразумием.

Благоразумие Альфонсо никогда не считал своим главным талантом. Он вышел в зал прилёта с одним большим чемоданом, рюкзаком и тёмно-синим пальто, которое в Испании казалось почти зимним, а здесь внезапно оказалось уместным. Вокруг люди торопились, обнимались, катили чемоданы, говорили по телефону. Альфонсо на мгновение остановился, вслушиваясь в русский язык. Он знал его достаточно хорошо, чтобы учиться, спорить и шутить, но быстрая московская речь всё ещё сливалась для него в плотный поток, из которого приходилось вылавливать смысл.

На телефоне высветилось сообщение от куратора иностранных студентов: адрес общежития, номер комнаты, инструкция, как добраться. Такси стоило почти столько, сколько Альфонсо планировал тратить на еду несколько дней. Он посмотрел на цену, усмехнулся и всё же нажал «заказать». Экономить следовало начинать не сегодня.

Водитель оказался молчаливым мужчиной лет пятидесяти. Он поставил чемодан в багажник, спросил:

— Испания?

— Видно?

— Акцент.

— Я думал, лицо.

Водитель впервые посмотрел на него внимательнее.

— Лицо московское быстро станет.

— Это как?

— Уставшее.

Альфонсо рассмеялся, но водитель уже отвернулся. Москва за стеклом появлялась постепенно. Сначала широкие дороги и развязки, потом дома, вывески, витрины. Город был огромным и равнодушным. Он не пытался понравиться новому человеку, как нравилась туристам Валенсия. Здесь всё словно говорило: если хочешь быть частью этого — докажи.

Особенно Альфонсо раздражало количество дорогих машин. Он считал их автоматически. Mercedes, Porsche, чёрный Range Rover, ещё один Mercedes. На светофоре рядом оста-

новился красный кабриолет. За рулём сидел молодой мужчина примерно его возраста. На запястье блеснули часы, которые Альфонсо узнал сразу.

В Валенсии у него были похожие. Отец забрал их после последнего разговора.

«Считай, что это первый взнос в твоё взросление», — сказал он.

Альфонсо тогда ответил, что взросление подозрительно похоже на ограбление. Теперь он смотрел на чужое запястье и впервые чувствовал себя не свободным студентом в новом городе, а человеком, у которого отняли прежнее место в жизни.

— Долго ещё? — спросил он.

— Минут двадцать, если Москва позволит.

— А она может не позволить?

Водитель пожал плечами.

— Она вообще мало что позволяет бесплатно.

Эта фраза почему-то осталась в памяти. Общежитие оказалось серым девятиэтажным зданием, которому явно было всё равно, из какой страны приехал новый жилец и сколько стоили его бывшие часы. У входа курили двое парней. Один придержал дверь, второй скользнул взглядом по чемодану и спросил:

— Новенький?

— Видно?

— Чемодан слишком чистый.

Альфонсо снова рассмеялся. Кажется, в Москве все определяли его статус по внешним признакам. На вахте его долго искали в списках. Женщина за стеклом изучила паспорт, потом лицо, снова паспорт.

— Альфонсо Наварро?

— Да.

— Комната семьсот четырнадцать. Лифт там. После одиннадцати дверь закрывается. Гостей записывать. Девушек после одиннадцати нельзя.

— Даже если очень хорошая девушка?

Женщина подняла глаза.

— Особенно если очень хорошая.

Он понял, что это место ему начинает нравиться. Комната оказалась меньше его спальни в родительском доме. Три кровати, три стола, один шкаф, маленький холодильник, подоконник, заставленный кружками и упаковками чая. У окна сидел худой парень в очках и что-то печатал на ноутбуке. На второй кровати лежал крупный темноволосый студент в спортивных штанах и смотрел видео без наушников.

Оба подняли головы.

— Испанец? — спросил тот, что лежал.

— Альфонсо.

— Артём. Это Ринат. Твоя кровать у двери.

Альфонсо поставил чемодан. Кровать у двери была узкой, матрас — подозрительно тонким.

— А кто выбирал места?

— Естественный отбор, — ответил Ринат, не отрываясь от ноутбука. — Мы приехали раньше.

Артём сел.

— Ты правда из Испании?

— Нет. Из Мытищ. Просто хорошо притворяюсь.

Артём засмеялся. Через десять минут они уже пили растворимый кофе из разных кружек. Альфонсо рассказывал о Валенсии, Артём — о Туле, Ринат — о Казани. Они учились

на разных курсах, но все трое были связаны с медициной. Ринат хотел стать хирургом. Артём пока хотел только пережить анатомию.

— А ты зачем в Москву? — спросил он.

— Учиться.

— В Испании врачей нет?

— Есть. Но мой отец решил, что мне полезно пожить далеко от него.

— Поссорились?

— Он решил воспитать во мне самостоятельность.

Ринат наконец закрыл ноутбук.

— Самостоятельность — это когда ты сам покупаешь доширак и сам его ешь.

Артём указал на полку. Там стояло пять упаковок лапши быстрого приготовления. Альфонсо посмотрел на них с таким выражением, будто ему предложили медицинский эксперимент.

— Вы это едите?

— Через месяц будешь знать, какой вкус лучше.

— Через месяц я буду мёртв.

— Тогда на анатомии сэкономим на материале.

Они снова засмеялись. Вечером Артём повёл Альфонсо показывать район. Ничего выдающегося: продуктовый магазин, аптека, кофейня, столовая, станция метро. Альфонсо шёл, запоминая дорогу, и пытался привыкнуть к тому, что теперь всё нужно считать.

Кофе — четыреста рублей. Такси — слишком дорого. Ужин в приличном месте — почти преступление против его бюджета. Он достал телефон, открыл банковское приложение и впервые внимательно посмотрел на остаток средств.

— Проблема? — спросил Артём.

— Нет.

— У тебя лицо как у человека, который увидел результаты анализов.

— Я увидел баланс.

— Это хуже.

Они зашли в супермаркет. Артём уверенно складывал в корзину макароны, яйца, хлеб, курицу и какие-то пакетики со специями. Альфонсо остановился перед сыром. Он взял маленький кусок, увидел цену и положил обратно.

Через несколько секунд снова взял.

— Тяжело? — спросил Артём.

— Очень.

— Что именно?

— Понимать, что сыр может быть финансовым решением.

Артём посмотрел на него и расхохотался. На выходе из магазина Альфонсо увидел через дорогу ресторан. Большие окна, мягкий золотистый свет, мужчины в пиджаках, женщины с открытыми плечами. У входа остановился чёрный автомобиль. Водитель открыл заднюю дверь, и на тротуар вышла высокая женщина в светлом пальто. Ей было, наверное, около сорока пяти. Она поправила волосы, не глядя на водителя, и вошла внутрь.

Альфонсо замедлил шаг. Не из-за женщины. Из-за ощущения, которое вернулось внезапно и почти физически. Вот его мир.

Не этот магазин с акциями. Не пластиковая корзина. Не кровать у двери. А свет ресторанов, хорошие ткани, запах дорогого парфюма, автомобили, которые не нужно проверять по приложению перед поездкой.

И самое неприятное состояло в том, что ещё месяц назад всё это казалось ему естественным. Теперь между ним и этим миром лежала дорога шириной в четыре полосы и остаток на банковской карте.

— Ты идёшь? — окликнул Артём.

— Да.

В общежитии Альфонсо разложил вещи. Одежды было немного. Несколько рубашек, джинсы, два свитера, один хороший костюм, который мать тайком положила в чемодан после разговора с отцом. В кармане пиджака он нашёл конверт.

На нём было написано по-испански: «Только если совсем прижмёт». Внутри лежали пятьсот евро. Альфонсо улыбнулся. Мать знала своего мужа. И сына тоже.

Он подержал деньги в руках, потом убрал конверт обратно. Не сегодня. Артём уже лежал на кровати и листал телефон.

— Завтра вводная встреча в университете. Не проспай. И лучше ехать на метро.

— Почему?

— Потому что такси утром может стоять как почка.

— Я будущий врач. Я знаю, что почка дороже.

— Значит, пока ещё богатый.

Альфонсо лёг, заложив руки за голову. Пружины матраса немедленно сообщили о своём существовании. Сон не приходил. За стеной кто-то смеялся. В коридоре хлопали двери. Ринат печатал что-то за столом. Из открытого окна тянуло холодом и шумом города.

Альфонсо вспоминал отца. Доктор Хавьер Наварро никогда не был жестоким человеком. Именно это раздражало сильнее всего. Если бы он кричал, угрожал или унижал сына, можно было бы объявить его тираном и уехать в Москву героем собственной драмы. Но отец говорил спокойно.

«Ты хочешь стать врачом, Альфонсо. Хорошо. Тогда сначала научись отвечать за собственную жизнь. Я дам тебе образование. Но не буду покупать тебе взрослость».

— Не спишь? — спросил Ринат.

— Нет.

— Джетлаг?

— Думаю.

— Опасное занятие после полуночи.

Альфонсо повернулся к стене.

— Сколько студент может зарабатывать в Москве?

Ринат перестал печатать.

— Смотря что умеет.

— Я знаю испанский, английский. Немного французский. Могу переводить. Могу работать в клинике, когда разрешат. Репетиторство.

— Жить будешь.

— Я не спросил, можно ли жить. Я спросил, сколько можно зарабатывать.

Ринат усмехнулся.

— А тебе сколько надо?

Альфонсо немного подумал.

— Много.

— Тогда медицина — странный выбор.

На этот раз Альфонсо не засмеялся. Утром Москва выглядела ещё дороже. Он понял это уже в метро, когда вышел вместе с потоком людей и поднялся к университету. Вокруг спешили студенты, преподаватели, сотрудники клиник. Кто-то держал кофе, кто-то говорил по телефону, кто-то курил у входа. Всё было обычным — и одновременно новым.

Альфонсо остановился перед зданием. Вот ради этого он приехал. Медицина была единственной вещью в его жизни, которую он выбрал не потому, что она красиво выглядела. В детстве он часами сидел в кабинете отца, листал медицинские атласы и задавал вопросы, от

которых у медсестёр болела голова. В семнадцать лет впервые увидел операцию и вышел из операционной бледный, но счастливый.

Он действительно хотел стать врачом. Проблема была только в том, что одновременно он действительно любил дорогую жизнь. Альфонсо вошёл внутрь. Первый день состоял из документов, инструкций, знакомств и бесконечных коридоров. К обеду он уже знал, где находится деканат, где лучше не покупать кофе и какая лестница приводит к аудиториям быстрее лифта.

Девушки обращали на него внимание. Это было привычно. Высокий, тёмноволосый, с лёгкой щетиной и южной улыбкой, он никогда не страдал от недостатка женского интереса. Несколько студенток сами заговорили с ним. Одна предложила показать город. Другая спросила, есть ли у него девушка в Испании.

Он отвечал легко, улыбался, иногда специально делал акцент заметнее. Но ничего внутри не шевельнулось. Студентки были красивыми, весёлыми, открытыми. И такими же студентками, как он.

Одна из них жаловалась, что родители не дали денег на новые сапоги. Другая выбирала кафе подешевле. Третья рассказывала, как собирается подрабатывать по выходным. Альфонсо слушал и вдруг с неожиданной ясностью понял: эти девушки жили в том же мире, куда его только что отправил отец.

Мире, где деньги считали. Вечером в общежитии Артём бросил ему пачку лапши.

— Добро пожаловать в самостоятельность.

Альфонсо поймал её одной рукой.

— Это временно.

— Все так говорят.

— Я серьёзно.

Артём открыл холодильник.

— Что, папа простит?

— Нет.

— Работу найдёшь?

— Возможно.

— Богатую невесту?

Это было сказано шутя. Альфонсо тоже улыбнулся.

— Жениться ради денег слишком утомительно.

— Тогда доширак.

Альфонсо посмотрел на упаковку в руке. Потом подошёл к окну. С седьмого этажа Москва была видна кусками: крыши домов, окна, фары, огни высоток вдали. Где-то там находились рестораны, клубы, дорогие квартиры, машины, отели. Целый город людей, которые могли позволить себе не смотреть на цену сыра.

Он не завидовал им. По крайней мере, именно так он решил назвать своё чувство. Это было нечто другое — раздражение человека, которого выставили за дверь из комнаты, где он привык жить, и предложили доказать право вернуться. В телефоне появилось сообщение от матери: «Как первый день?» Альфонсо написал: «Прекрасно. Комната отличная. Ребята хорошие. Москва нравится».

Он не соврал полностью. Комната действительно существовала. Ребята действительно были хорошими. Москва действительно нравилась.

Только слово «прекрасно» относилось скорее к его намерениям, чем к реальности. Он убрал телефон.

— Ринат.

— М-м?

— Здесь студенты ходят на какие-нибудь университетские вечера? Благотворительные мероприятия? Приёмы?

Ринат поднял глаза.

— Бывают. А тебе зачем?

— Хочу понимать город.

Артём приснул со своей кровати.

— Для понимания города тебе нужен не приём, а карта метро.

— Карта у меня уже есть.

Альфонсо снова посмотрел в окно. Он пока не знал Ларису Воронцову. Не знал Еву Рудневу. Не знал, что через несколько месяцев будет оставлять дорогой автомобиль в трёх кварталах от этого общежития, чтобы никто не задавал лишних вопросов. Не знал, сколько женщин будут звонить ему по вечерам и сколько дверей откроются перед ним только потому, что он однажды правильно улыбнётся.

Пока перед ним была лишь Москва. Огромная. Холодная. Слишком дорогая.

И Альфонсо Наварро уже чувствовал к ней почти личный вызов. Артём поставил чайник.

— Есть будешь?

Альфонсо посмотрел на лапшу в руке и медленно улыбнулся.

— Сегодня — да.

— А завтра?

Он бросил упаковку на стол.

— Завтра что-нибудь придумаю.

— Ты только приехал.

— Именно.

Альфонсо сел, вытянул ноги и посмотрел на друзей.

— Я приехал сюда врачом стать, а не бедным стать.

Артём засмеялся, Ринат покачал головой и снова открыл ноутбук. Никто из них не придал этой фразе значения. Даже сам Альфонсо ещё не понимал, насколько серьёзно её произнёс.

Глава 2. Не студентка

Через неделю Москва перестала казаться Альфонсо огромной декорацией, поставленной специально для его приезда. Она стала маршрутом: общежитие, университет, столовая, библиотека, метро, снова общежитие. Город не пытался очаровать его каждый час. Он просто жил слишком быстро и слишком дорого, будто считал, что человек обязан доказать право находиться здесь.

Альфонсо пока это право не доказал. Он научился покупать кофе в автомате вместо кофейни, перестал брать такси и уже без ошибок пересаживался с одной линии метро на другую. На дверце шкафа висело его тёмно-синее пальто, рядом — две рубашки, которые он привёз из Испании, и один хороший пиджак. Пиджак он берёт. Москва, судя по всему, не собиралась помогать ему пополнять гардероб.

Утром в пятницу Артём, его сосед по комнате, бросил на кровать белую карточку с золотым тиснением.

— Сегодня идёшь?

Альфонсо поднял карточку. Университет проводил благотворительный вечер в поддержку студенческой медицинской программы. Внизу мелкими буквами значились партнёры: частные клиники, фармацевтические компании, косметологические центры, несколько семей, которые даже иностранцу казались знакомыми.

— Я думал, это для преподавателей и спонсоров.

— И для студентов. Тех, кто умеет надеть пиджак и не напиться у фуршета за первые десять минут.

— Тогда почему идёшь ты?

Артём посмотрел на него с уважением и кинул подушку. Альфонсо поймал её одной рукой.

— Там будет бесплатная еда, — сказал Артём. — И люди, которые могут устроить практику. Ты хотел красивую жизнь? Начинать с канапе.

Последняя фраза заставила Альфонсо улыбнуться. За неделю Артём уже успел запомнить его шутовское признание, сказанное в первый вечер: «Я приехал сюда врачом стать, а не бедным стать». Теперь эта фраза возвращалась к нему всякий раз, когда он считал мелочь у кассы. К вечеру он всё-таки достал хороший пиджак. Белая рубашка оказалась чуть помятой, и Альфонсо долго гладил её маленьким утюгом, который нашёл у Рината. Галстук он не надел. Слишком официально. Оставил верхнюю пуговицу расстёгнутой, посмотрел на себя в зеркало над раковиной и решил, что этого достаточно.

— Ты выглядишь так, будто собираешься не на благотворительный вечер, а украсть у кого-нибудь жену, — заметил Ринат.

— Я студент медицинского института. Мне нельзя воровать людей. Только органы.

— Шутки у тебя всё хуже. Значит, русский улучшается.

Они приехали втроём. Вечер проходил не в университетском корпусе, как ожидал Альфонсо, а в старом особняке недалеко от центра. Высокие окна светились тёплым золотом, у входа останавливались дорогие автомобили, швейцар открывал двери, а женщины выходили в пальто, которые стоили, вероятно, больше, чем год его нынешней жизни. Альфонсо задержался на ступенях всего на секунду.

Не от зависти. Скорее от узнавания. Вот эта жизнь была ему понятна. Хороший свет, правильные ткани, негромкая музыка, люди, которые не торопились объяснять свою стоимость. В Валенсии его родители вращались в похожем кругу. Отец ненавидел показную роскошь, но сам носил часы, цену которых никогда не называл. Мать умела по одному движению руки отличить

дорогую вещь от дешёвой. Альфонсо вырос среди людей, для которых деньги должны были быть незаметны, иначе считались дурным вкусом.

Последнюю неделю он почти забыл, насколько привычным когда-то было это ощущение.

— Не зависай, испанец, — сказал Артём. — Бесплатные канапе закончатся.

Внутри было многолюдно, но не шумно. Студенты держались группами, преподаватели разговаривали со спонсорами, официанты двигались между гостями с бокалами и маленькими тарелками. На стенах висели фотографии выпускников, известных врачей и научных лабораторий, которым собирались передать часть средств от вечера. Альфонсо взял минеральную воду. Пить вино ему не хотелось. Он рассматривал зал с профессиональным любопытством человека, который всегда быстро понимал, кто здесь кому нужен.

Артём почти сразу исчез возле девушки с хирургического факультета. Ринат увидел знакомого ординатора и тоже ушёл. Альфонсо остался один, что его совершенно не смутило.

— Вы Наварро?

Он обернулся. Перед ним стояла девушка лет двадцати двух. Высокая, тонкая, с прямыми тёмными волосами и таким уверенным выражением лица, будто вопрос был формальностью и ответ она уже знала.

— Зависит от того, что я сделал.

Она рассмеялась.

— Кристина Воронцова. Мы вместе были на вводной лекции по клинической анатомии.

Вы задали преподавателю вопрос про испанскую систему резидентуры.

— Значит, я действительно Наварро.

— Я так и думала.

Она протянула руку. Альфонсо пожал её легко, без театральных жестов, которые почему-то многие ожидали от испанца. Ему уже надоело, что при слове «Валенсия» люди начинали ждать от него то гитару, то танцы, то немедленное признание в любви. Кристина оказалась приятной и говорила быстро. Она рассказывала о преподавателях, предупреждала, у кого лучше не опаздывать, у кого нельзя спорить и кто может поставить неудовлетворительную оценку только за неправильную интонацию. Альфонсо слушал, иногда задавал вопросы. Она явно знала университет лучше него и была рада этим знанием поделиться.

— Мама говорит, что я выбрала медицину только потому, что люблю страдать, — сказала Кристина.

— А она чем занимается?

— Косметологическими клиниками. У неё их несколько. Она считает, что медицина должна приносить человеку красоту и деньги, желательно одновременно.

— Очень практичная философия.

— Она вообще практичная.

Кристина посмотрела через его плечо и чуть подняла руку.

— Вот, кстати, она.

Альфонсо обернулся. Женщина, направлявшаяся к ним, не была похожа на мать взрослой дочери в том привычном смысле, который успел возникнуть у него в голове. Она была высокой, стройной, в простом чёрном платье и светлом жакете. Светлые волосы были убраны назад, на шее — тонкая цепочка без демонстративных драгоценностей. Она двигалась спокойно и не оглядывалась по сторонам, потому что ей не требовалось проверять, замечают ли её окружающие.

Альфонсо автоматически выпрямился. Не потому, что она была красива. Красивых женщин в зале хватало. В ней было другое: абсолютная привычка чувствовать себя на своём месте.

— Мам, познакомься. Это Альфонсо Наварро, наш новый студент из Испании.

Женщина перевела на него взгляд.

— Из самой Испании?

— Пока ещё да, — ответил Альфонсо. — Через пару месяцев московской погоды, возможно, стану кем-нибудь другим.

Лариса Воронцова улыбнулась. Не широко, а едва заметно, глазами раньше губ.

— Лариса.

Она протянула руку. Альфонсо пожал её так же, как руку дочери. Никакого поцелуя, никакого подчёркнутого галантного жеста. И именно это, кажется, её удивило.

— Я ожидала чего-нибудь более испанского, — сказала она.

— Красную розу я оставил в общежитии.

— Предусмотрительно.

Кристина закатила глаза.

— Мама думает, что все иностранцы обязаны соответствовать национальным стереотипам.

— Только хорошие стереотипы, — возразила Лариса. — Плохие меня не интересуют.

Они разговаривали втроем несколько минут. Лариса спрашивала о Валенсии, об университете, почему Альфонсо выбрал Москву. Вопросы были обычными, но слушала она внимательнее большинства людей, которых он встречал здесь за неделю.

— Отец врач? — спросила она, когда Альфонсо упомянул семью.

— Кардиолог.

— Поэтому медицина?

Альфонсо хотел привычно ответить шуткой, но почему-то не стал.

— Отчасти. В детстве я думал, что он знает ответы на все вопросы. Потом понял, что это не так. Но желание знать осталось.

Лариса посмотрела на него чуть внимательнее.

— Хороший ответ.

— Правдивый.

— Это не всегда одно и то же.

К ним подошла девушка из студенческого оргкомитета и увела Кристину фотографироваться с участниками проекта. Та извинилась и быстро исчезла в толпе. Альфонсо остался рядом с Ларисой. Никакой неловкости не возникло.

— Значит, вы управляете клиниками? — спросил он.

— Управляю людьми, которые управляют клиниками. Это гораздо утомительнее.

— И интереснее.

— Иногда. А вы хотите быть врачом или тоже кем-нибудь управлять?

— Хочу быть врачом.

Она посмотрела на его пиджак, затем снова в лицо.

— Уверенно отвечаете.

— Я не уверен почти ни в чём. Но в этом — да.

Официант предложил им шампанское. Лариса взяла бокал, Альфонсо отказался и снова попросил воду.

— Не пьёте?

— Пью. Но сегодня хочу всё запомнить.

— Настолько важный вечер?

Он оглядел зал.

— Для человека, который неделю назад жил в Валенсии, а теперь делит комнату с двумя мужчинами и сушит носки на батарее, любой вечер в таком месте становится важным.

Лариса рассмеялась — уже открыто.

— По крайней мере, вы честный.

— Я стараюсь. Это дешевле, чем придумывать хорошую ложь.

Она снова посмотрела на него тем долгим оценивающим взглядом, который Альфонсо заметил, но решил не интерпретировать. Женщины смотрели на него и раньше. Он знал, что красив, знал, как действует улыбка, знал, что лёгкий акцент делает даже банальную фразу чуть интереснее. В Испании всё это было частью привычной жизни, не профессией и даже не преимуществом — просто фактом.

Лариса была старше женщин, с которыми он обычно флиртовал. Поэтому мысль о флирте даже не возникла. Именно это сделало его свободным. Он не старался понравиться.

- Чем занимаетесь помимо учёбы? — спросила она.
- Пока изучаю стоимость московской жизни и прихожу к тревожным научным выводам.
- Например?
- Что кофе возле университета стоит неоправданно дорого.
- Серьёзная проблема для будущей медицины.
- Я собираюсь опубликовать исследование.
- С контрольной группой?
- Обязательно.

Разговор оказался неожиданно лёгким. Лариса не пыталась изображать молодость, Альфонсо — взрослость. Она говорила о клиниках, о том, как изменилась эстетическая медицина, о врачах, которые хотят быстрых денег и перестают видеть перед собой человека. Он спорил с ней, когда не соглашался, и один раз довольно резко сказал, что косметология становится опасной в тот момент, когда врач продаёт пациенту не лечение, а ненависть к собственному лицу.

Лариса замолчала. Альфонсо решил, что перегнул.

- Извините. Это прозвучало...
- Именно так, как вы думаете?
- Да.
- Тогда не извиняйтесь.

Она сделала глоток шампанского.

— У меня есть клиники, Альфонсо, а не религия. Мне можно критиковать собственный бизнес.

Он улыбнулся.

— Тогда мне с вами легче.

В этот момент мужчина лет пятидесяти подошёл к Ларисе, извинился и попросил её на несколько минут к организаторам. Она кивнула, но перед тем как уйти, достала из маленькой сумки визитную карточку.

— Если вам действительно интересна эстетическая медицина, приезжайте как-нибудь посмотреть одну из клиник. У нас хорошая лаборатория и несколько сильных врачей. Студентам полезно видеть не только университетские стены.

Она протянула карточку. Альфонсо взял её.

- Спасибо.
- Только заранее позвоните.
- Обязательно.

Лариса ушла, и почти сразу рядом возник Ринат с тарелкой десертов.

- Кто это?
- Мать Кристины.

Ринат посмотрел вслед Ларисе, потом на Альфонсо.

- Мать?
- Да.
- Я начинаю уважать московскую медицину.
- Она владеет клиниками.
- Я начинаю уважать её ещё больше.

Альфонсо убрал визитку во внутренний карман пиджака.

— Она предложила посмотреть лабораторию.

Ринат перестал жевать.

— Лабораторию?

— Да.

— Конечно. Лабораторию.

— Что?

— Ничего. Ты и правда очень молодой.

Альфонсо хотел ответить, но увидел Кристину. Она разговаривала с двумя студентами у сцены и даже не смотрела в их сторону. Его вдруг рассмешила мысль Рината. Лариса была вежлива, заинтересована, возможно, просто привыкла поддерживать университетские связи. Делать из визитки любовное приглашение было самоуверенно даже для него.

Он сменил тему. Вечер продолжался ещё два часа. Альфонсо познакомился с заведующим кафедрой, поговорил с молодым хирургом из частной клиники, записал название программы стажировок и даже успел действительно поесть тех самых бесплатных канапе, ради которых Артём заставил его прийти. На обратном пути они ехали в метро. Артём был необычно молчалив: девушка с хирургического факультета ушла с другим. Ринат листал фотографии вечера в телефоне.

Альфонсо стоял у двери вагона, придерживаясь за поручень. За окном мелькала темнота тоннеля, отражение салона, его собственное лицо, чужие лица. Во внутреннем кармане пиджака лежала визитка. Он вспомнил Ларисин взгляд. Потом её фразу: «Только заранее позвоните».

И впервые допустил мысль, которую несколько часов назад счёл бы нелепой. Может быть, Ринат понял что-то раньше него. В общежитии Альфонсо повесил пиджак на дверцу шкафа. Визитку он вынул и положил на стол рядом с учебником анатомии.

На белом картоне было напечатано: «Лариса Воронцова. Управляющий партнёр». Ниже — номер телефона. Альфонсо некоторое время смотрел на карточку, затем открыл учебник.

Он не собирался звонить женщине ради красивой жизни. Пока ещё нет. Но впервые Москва словно приоткрыла перед ним дверь и показала, что за ней есть не только дорогие автомобили, рестораны и чужое богатство. Там существовали люди, для которых всё это было обычным фоном.

И одна из этих людей сегодня сама дала ему свой номер. Альфонсо перевернул страницу, попытался сосредоточиться на анатомии сердца и через минуту понял, что читает одну и ту же строку третий раз. Он закрыл книгу. Взял визитку снова.

И улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.